

]

Монета металась между пальцев всё быстрее, а потом рука Янь Хана дрогнула, и монета исчезла, будто её и не было. Чу И среагировал так быстро, что Янь Хан даже удивился: он тут же схватил того за запястье и сунул пальцы в рукав, проверяя, там ли она.

— Есть? — Янь Хан приподнял уголок рта.

— Нет, — ответил Чу И, глядя на него. — Я... разве не должен был спросить, куда, куда она делась?

— Верно, — кивнул Янь Хан.

— Куда, куда она делась? — переспросил Чу И.

Янь Хан резко вытянул руку перед самым его лицом, ловко перебирая пальцами, и зажал монету между указательным и средним: — Вот она.

— Ого! — воскликнул Чу И, помолчал секунду и добавил: — Я не, не играю.

— Еще раз? — спросил Янь Хан.

Чу И кивнул.

Янь Хан закатал рукав, обнажая руку, и снова положил монету между пальцев. Чу И только сосредоточился, приготовившись следить за каждым движением, как вдруг рука Янь Хана дернулась — и монета снова исчезла.

— Э? — растерялся Чу И.

— Давай, спрашивай, — Янь Хан хлопнул в ладоши и повернул их к нему.

— Куда она делась? — Чу И даже перестал заикаться от удивления.

Янь Хан протянул руку, легонько коснулся его груди и, перевернув ладонь, показал, что монета уже лежит у него на руке: — Вот здесь.

— Ты так, так подкатываешь к, к девушкам, — Чу И уставился на монету и потрогал свою грудь, — по лицу не, не получишь?

Янь Хан ничего не ответил, вытащил из кармана пластырь и быстро наклеил ему на губы. Чу И коснулся рта и рассмеялся.

— Понял в этот раз, как я это сделал? — спросил Янь Хан.

Чу И покачал головой.

— Вот и правильно, и не поймешь, — Янь Хан подбросил монету в руке. — Знаешь почему? Потому что это не обычная монета, это... дух монетки.

Чу И сначала опешил, а потом сорвал пластырь с губ и зашелся в диком хохоте, даже голос сорвался.

— Чего ржешь? — Янь Хан улыбнулся, глядя на него. — На.

Чу И, продолжая смеяться, посмотрел на него: — А?

— Тебе, — сказал Янь Хан. — Мой папа всегда говорил, что монета — это оберег. Потому что она везде, она всегда рядом.

Чу И еще не успел отдышаться, взял монету и долго вглядывался в неё, прежде чем поднять глаза: — Правда?

— Правда. — Янь Хан кивнул.

— Ты, ты, — тихо произнес Чу И, — здесь тоже, не, не надолго?

Янь Хан промолчал, лишь похлопал его по плечу. Чу И тоже больше не проронил ни слова, сунул монету в карман и для верности потрогал её сквозь ткань.

Когда они медленно побрели обратно, Чу И снова достал монетку: — Дух монетки, да?

— Выражайся культурнее, — заметил Янь Хан.

— Дух монетки, — повторил Чу И.

— Есть, — кивнул Янь Хан. — Вот почему я и говорю, что это оберег — он всегда и везде.

— М-м, — Чу И спрятал монету обратно. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Янь Хан.

Вернувшись домой, Янь Хан не застал папу, но, едва открыв дверь, увидел на столе конверт. Значит, отец заходил и снова ушел. Конверт был до боли знаком: края затерлись и пушились, уголки загнулись. Каждый раз при виде него у Янь Хана внутри всё сжималось.

— Меня не было полмесяца — вот и открывай, — говорил отец.

За все эти годы он видел этот конверт много раз, хотя отец всегда возвращался раньше, чем через полмесяца, и шанса открыть его у него не было. Да он и не хотел открывать. Даже видеть его не хотел.

Янь Хан взял книгу по английскому, которую вряд ли откроет в ближайшее время, вложил внутрь конверт и запихнул под журнальный столик. Чем меньше я о нем знаю, тем лучше.

Когда Чу И пришел домой, в гостиной были только мама и бабушка, дымившая сигаретой.

— Откуда обувь? — мама тут же заметила ботинки у него на ногах.

— Однокурсника. — Чу И разулся.

— Новые или старые? — мама подошла ближе и повертела ботинок в руках. — О, да это же NB.

— М-м, — отозвался Чу И. — Старые.

— А те, прошлые, где? — спросила мама.

— Подошва отле, отлетела, — тихо сказал Чу И. — Продал.

Он не должен был их выбрасывать, надо было забрать домой — бабушка каждый месяц

собирала макулатуру и даже коробки от лекарств не выбрасывала. Но он просто не мог притащить эту обувь домой на глазах у Янь Хана.

— За сколько продал? — тут же спросила мама.

— Десять юаней, — сказал Чу И.

— Да их минимум за пятнадцать можно было отдать! Там подошва резиновая, — нахмурилась мама. — Ладно, десять так десять, оставь себе на карманные расходы.

— Угу, — буркнул Чу И.

— Я же говорила, транжира растет! — бабушка сердито выпустила дым. — Десять! Десять юаней — да что на них купишь!

— Да ты свои коробки сдаешь — и тех на десять не набирается, — раздраженно бросила мама. — Всё у тебя деньги, деньги, деньги!

— Если бы я не тряслась над деньгами, где бы ты их брала? У тебя что, есть свои? Купили бы быстрее квартиру — и не пришлось бы слушать мое нытье про деньги! — бабушка указала пальцем на маму.

— Я вчера на двух стройках была, — мама опустила на диван. — Цены на жилье просто с ума сошли, в Хэси уже почти двадцать тысяч за метр!

— Да не заглядывайся ты на центр! В пригороде! В уезде! Да где угодно! У отца есть машина, доедет, — бабушка пару раз цокнула языком. — Это ты всё смотришь, как Эрпин купила в Хэси, и теперь обязательно хочешь так же?

— Чушь! — отрезала мама.

— Она всё на деньги своего папаши живет, вот увидишь — всё промотает, — сказала бабушка.

— Тоже так думаю, — мама пригубила чай.

Чу И лег на письменный стол и достал телефон, убавив яркость до минимума, стараясь быть максимально незаметным для мамы и бабушки. С невероятным трудом он зашел в WeChat, целую вечность прождал загрузки Ленты и еще три тысячи лет — пока наконец не прогрузился контент.

К счастью, первым в Ленте оказался пост Старшего брата Синтяня. Опять какая-то непонятная высокопарная фраза на английском. И картинка.

Чу И несколько раз ткнул в экран, прежде чем понял, что это просто черный квадрат, а не ошибка загрузки.

— The fear from deep within (Страх из самых глубин).

Утром, собираясь в школу, Чу И нервничал. Он понимал, что такие отморозки, как Лян Бин, обычно так рано не встают, но если тот вообще не ложился — тут уж как повезет. Выходя из подъезда, он осторожно огляделся.

Мама тоже уходила и следовала за ним: — Чего встал? Чего копаешься?

— Угу, — отозвался Чу И.

Мама больше не обратила на него внимания и уехала на велосипеде. Чу И быстрым шагом направился в другую сторону, не по той дороге, что обычно, а сделав небольшой крюк через другой переулок, чтобы выйти на центральную улицу и добраться до школы.

Маме было совершенно плевать на его поведение, она, возможно, даже не заметила ничего странного. Впрочем, он уже много лет не рассказывал семье, что к нему постоянно пристают. Сколько уже лет... наверное, с детского сада? После того как бабушка, будучи в одних трусах, подралась с директором сада, Чу И понял: даже если его побьют, жаловаться бесполезно.

Но бабушка всё равно узнает — или ей кто-нибудь прибежит настучать, чисто ради того, чтобы посмотреть, как она устроит скандал. А потом, когда он возвращался домой, бабушка орала, дедушка делал вид, что ничего не слышит, мама язвила, а папа... Если папа был дома, то мог купить ему что-нибудь вкусное или полезное, чтобы хоть как-то утешить.

Чу И с самого детства знал, что ждать помощи или безопасности от семьи не стоит — со всем этим ему придется справляться в одиночку.

<http://bllate.org/book/18095/1747623>